

А. С. Колесников

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И ОСНОВАНИЯ

Статья посвящена дискуссии между континентальной и аналитической философией, касающейся определения сути аналитической философии, ее истоков и отцов-основателей, изменения в ее установках, позиции современных последователей и рамок самой аналитической философии. Споры ведутся в первую очередь по поводу соотношения философской логики, методов анализа, философии языка, приемлемости ее методологических установок в теории и на практике. Библиогр. 27 назв.

Ключевые слова: континентальная и аналитическая философия, метод анализа, философская логика, Мур, Рассел, Витгенштейн, Brentano, Dummett.

Kolesnikov Anatoliy S.

ANALYTICAL PHILOSOPHY: HISTORY AND FOUNDATIONS

Article is devoted to the discussion between continental and analytical philosophy, concerning the definition of the essence of analytical philosophy, its sources and founding fathers, change in its installations, the positions of contemporary followers, as frameworks of analytical philosophy. The matters for dispute are, most importantly, philosophical logic, methods of analysis, philosophy of language, acceptability of its methodological installations in theory and in practice. Refs 27.

Keywords: continental and analytical philosophy, an analysis method, the philosophical logic, Moore, Russell, Wittgenstein, Brentano, Dummett.

В конце XX столетия в мировой философии волной прокатилась дискуссия, отражавшая попытки заново определить, что является аналитической философией [1–5]. Перед этим были написаны впечатляющие работы исследователей и самих аналитических философов, касающиеся истоков и главных действующих лиц становления и развития аналитической философии. Среди них попытка Г. Слути исправить исторически искаженную картину философии Фреге, которую предложил М. Даммит. Имеются прекрасные исследования философии Мура Т. Болдуином и философии Рассела П. Хилтоном и Н. Грифффином. Раскрыта история «семантической традиции» А. Коффа; Р. Монк представил философские биографии Витгенштейна и Рассела, а Даммит дал историю происхождения аналитической философии.

Отдельные авторы пытаются проанализировать процесс становления и развития аналитической философии в эссе, обзорах и введениях [6–8]. В конечном итоге неизбежно возникают вопросы. Что за проблема волнует всех этих авторов? Разве до сих пор не ясно, какова суть аналитической философии? Может, что-то изменилось в ее основаниях? Действительно, все эти вопросы имеют место. Проблема состоит в том, что выяснение отношений между континентальной и аналитической философией, ставшей профессиональной в англосаксонской среде и ряде стран Западной Европы, привело к тому, что необходимо было заново переосмыслить истоки аналитической философии, изменения в ее установках, выяснить роль отцов-

Колесников Анатолий Сергеевич — доктор философских наук, профессор, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; kolesnikov1940@yandex.ru

Kolesnikov Anatoliy S. — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of philosophy, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; kolesnikov1940@yandex.ru

основателей и позицию их современных последователей, а также определить рамки самой аналитической философии. Конечно, необходимо было определиться и с методологическими позициями. Так, Хакер полагает, что «ни одна характеристика аналитической философии» не должна исключать Мура, Рассела и Витгенштейна, а также ее главных фигур послевоенного периода — Уиздома, Райла, Остина, Стросона и Даммита [9, р. 247]. При этом не стоит рассматривать аналитическую философию изолированно от современной философии вообще. Швейцарский философ Г. Кюнг, сравнивая семантическую терминологию (теории референции), сложившуюся у Рассела и Фреге, с соответствующей терминологией феноменологической философии, приходит к выводу о параллелизме точек зрения англосаксонского логико-философского анализа и «континентальной» феноменологии, хотя Мур, Рассел и Витгенштейн, а позже Райл, Остин и их коллеги сознательно создавали Новую философию. Проблема состояла только в том, что эту новизну было трудно солидаризировать и определить.

Аналитическая философия формируется как оригинальная методологическая реакция на «классические» способы философствования, как антитеза «гносеологической стерильности» и созерцательности идеализма, она видит в философии прежде всего не теорию, а метод «философского анализа» и пытается направить философию на исследование проблем языка и науки. В любом случае попытки солидаризации породили ряд определений аналитической философии, вводящих в заблуждение. Первое из них гласит: аналитическая философия — философская логика. Первоначально это понимание было введено Фреге, который постоянно делал различие между истинной и очевидной логической формой. С тех пор Витгенштейн, и частично Рассел, следовал этой практике, и многие полагали, что в этом и состоит суть Новой философии. Были, однако, исключения, такие как Уиздом и Вайсманн. Оба они не имели никакого отношения к философской логике, что показывает — это определение аналитической философии не точное.

Второе определение утверждает, что философия языка — это первая философия. Модификация этой веры — понимание, в формулировке Даммита, что аналитическую философию в ее разнообразных проявлениях отличает от других школ вера, что философская важность мысли может быть достигнута через философскую значимость языка. Главное утверждение Даммита, с которым трудно согласиться: аналитическая философия является постфрегеанской философией. Притом позиции Рассела и Мура не были ее источниками. Источниками аналитической философии были работы философов, которые писали, преимущественно или исключительно, на немецком языке. Правда, большинство исследователей творцов аналитической философии поддерживают обычное представление, согласно которому Мур и Рассел были отцами-основателями аналитической философии. Хилтон считает, что ее происхождение можно зафиксировать в момент отвержения ими абсолютного идеализма.

Критику Даммита, к счастью, принимают не все философы. Бэйкер и Хакер в 1980-х годах заметили, что было бы любопытно увидеть Даммита и Слугу присоединившимися к утверждению о том, что Фреге был основателем аналитической философии, характерный принцип которой — философия языка — является основой остальной части философии. Если аналитическая философия рассматривает позднее фигуры Витгенштейна, Райла и Остина среди своих светил, если аналитическая

философия права включает Харта или Келсена, аналитическая философия истории — Берлина или Дрея, а аналитическая философия политики — Нозика или Ролса, тогда это не характерный принцип «школы». Напротив, это отрицало бы, и в теории, и практически, позиции всех этих философов. В прошлые годы в Великобритании господствовала тенденция принимать это мнение. Сегодня многие авторы начинают придерживаться той точки зрения, что Чисхолм, Перри, Нозик, Крипке, Эванс, Льюис, Каплан, Путнэм и Деннетт представляют направление «концептуального анализа, который несправедливо называют “аналитическим языком”» [10, S. 419].

Наконец, существует вариант аналитической философии, развитие которого было явно связано не с философией языка, — это школа описательной психологии Ф. Brentano, которая вводила в философию новый уровень точности [11, p. 86], но не путем анализа языка. Согласно Brentano, «философия должна быть [просто] строгой, научной, точной и ясной». Говоря о «чудовищных, в их высокомерии, философемах» Канта [12, p. 8], Brentano (как и Дж. Э. Мур) выступал прежде всего против неясности в размышлении и языке и требовал критики «каждого вида антинаучного и неясного философствования» [11, p. 89].

Утверждение, что аналитическая философия — антиспекулятивная философия, требует пояснения. Бесспорно, вначале понятия аналитической и спекулятивной философии использовались (например, Ч. Д. Бродом и Дж. Уиздомом) в значении не противопоставления, а ясного разделения в их компетентностях. Эта позиция была распространена после венского романтического прочтения идей «Трактата», когда было принято воинственное отношение аналитической философии к спекулятивной метафизике. Это объясняет готовность, с которой типично аналитические философы часто очаровываются типично спекулятивными философами. Лучшим примером здесь является интерес Витгенштейна к Канту, Шпенглеру, Шпрангеру и др.

Часто встречается заблуждение, что аналитическая философия ограничивается разъяснением. Почти 70 лет назад А. Прайс использовал понятия «разъяснение» и «анализ» как синонимы [13, p. 3]; по его мнению, аналитические философы — «разъясняющие (clarificatory) философы». Не стоит представлять эту тенденцию как революцию в философии. Так, уже эпикурейцы (среди многих других), и в частности Филодем из Гадары (100–35 до н.э.) в работе «О риторике», считают «четкость единственно необходимой». Позже философия часто трактовалась как разъяснение, например, романтиками (Руссо), Г. Лотце в XIX столетии или критическим реалистом Г. Корнелиусом, или неокантианцем Л. Нельсоном в начале XX столетия.

Были попытки полагать, что аналитическая философия заключается в анализе. Среди авторов этих утверждений мы находим того же Хакера. Конечно, анализ — важная часть методологии новой философии. Однако встречались и исключения. Райл, например, заявлял, что новая философия не занимается анализом. Заметим, что метод анализа был введен в философию не Муром или Расселом, а еще Платоном. И европейская философия с XVIII столетия в общем, и немецкое Просвещение с приоритетом «Критики чистого разума» Канта в частности в значительной степени обосновали аналитику [14, p. 10]. Метод анализа был характерен и для рационалистов (Декарта, Спинозы, Лейбница), и для эмпириков (Локка, Беркли, Юма). Все они надеялись достигнуть совершенства в философии с помощью математической методологии, названной *more geometrico*, или *arte combinatoria*.

Некоторые авторы признают, что аналитическая философия может быть определена как «точная философия», означая этим, прежде всего, научную философию [15, р. 133]. И недавно термин «точная философия» использовался, «чтобы обозначать математическую философию, которая творит с явной помощью математической логики и математики» [16, р. V]. Естественно, были героические усилия строить нечто подобное точной философии в прошлом, что не привело к установлению чего-то сходного с подлинной аналитической философией. Такая попытка была сделана, например, в 1877–1878 гг. в Германии с открытием кафедры научной философии под должностью Р. Авенариуса. В этом случае философия должна быть занята научными проблемами, источники которых пришли из опыта; это должна быть теория науки и знания. К сожалению, вскоре разговор о научной философии угас и переориентировался на интерес к практической философии. Очевидно, что подлинная аналитическая философия появляется в определенном общественном контексте. Правда, есть еще один аргумент против определения аналитической философии термином «точная философия». Так, самая видная фигура Оксфордской школы философии языка — Остин был явно против того, чтобы бороться за точность в философии.

Однако как же определить аналитическую философию всесторонне? Николай Милков, обстоятельно рассматривая эту проблему, предлагает определить ее, по крайней мере, в двух перспективах: теоретической и исторической [8]. Исторически аналитической философией был введен термин «революция в философии» как термин в Новой философии¹. Это существенный пункт британской аналитической философии, разделявшей школы Кембриджа и Оксфорда. Верно, что в настоящее время существующее движение потеряло свой прежний революционный идеал. Это уже не философия, борющаяся с предубеждениями и суеверием. Она сама становится идолом, возведенным в самоудовлетворении на пьедестал, и таким образом приглашающая нового ниспровергателя. Так проявляется современная актуализация опасности «аналитической схоластики», которая была идентифицирована уже Ф. Рамсеем.

Теоретически аналитическая философия означает, пользуясь выражением Э. Гуссерля, «строгую философию». И цели ее — производить теории, идеи, положения, которые осуществляют экспертизу через контраргументы. Подлинная аналитическая философия — «проверенная философия», исследованная разумом. Лучшее описание было дано Расселом в статье «Мистика и логика»: это философия, в которой использовано «гармонирующее посредничество разума, который тестирует наши верования их взаимной совместимостью и проверяет, в сомнительном случае, возможные источники ошибки с одной и другой стороны» [18, р. 17]. В оппозиции к *старой философии* (названной позже, обманчиво, «континентальной»²) она производит теории, идеи, которые не страшатся такой проверки. Это определение аналитической философии предполагает, что ее можно квалифицировать как подход, метод, но не как доктрину. Так, было справедливо отмечено, что аналитическую философию отличает, скорее, «частный способ приблизиться к философским

¹ Некоторые авторы говорят в связи с этим о второй революции в философии, признавая философию Декарта первой революцией (об этом см.: [17]).

² «Они затеяют континентальное происхождение аналитической философии и также подразумевают, что континентальные мыслители не участвуют в аналитическом мышлении. А это, в свою очередь, препятствие подлинной экспертизе природы философского анализа» [19, р. 341].

проблемам». В прошедшие годы, однако, стало ясно, что, используя этот подход, можно рассматривать широкое разнообразие тем. Сфера интересов аналитической философии начала расширяться в 1950-е годы, и теперь осталось «немного философских вопросов, которые не находились бы в пределах ее области» [15, p. 139].

И тем не менее главные трудности при исследовании истории аналитической философии состоят в том, что она «страдала» дуализмом с самого начала. Несмотря на наличие общей стратегии — философия должна быть строгой! — Мур и Рассел были приверженцами различной тактики ее понимания: в то время как Рассел ориентировался на научную точку зрения, Мур был главным образом аналитическим герменевтом. На самом деле они не следовали своей стратегии точно. Известно, что незадолго до 1900 г. Рассел убеждал Мура «подать руку» философской логике, который так и поступил. Вместе с тем, будучи философом науки, Рассел всегда полагал, что Новая философия имеет свой собственный — названный им «аналитическим» — метод, который фактически оказался близким аналитической герменевтике Мура. И для более поздних аналитических философов, Куайна и Дэвидсона, Рассел всегда был немного аналитическим герменевтом. Хотя Рассел полагал, что он установил определенный *философский метод*, с помощью которого можно бороться со старой, «схоластической» философией, он не объяснил его суть. Эта двойственность сказалась позже на формировании аналитической герменевтики и аналитизма.

Кстати, самого термина *аналитическая герменевтика* Мур не вводил³, заменив его вопросом: «Что же, спрашивается, означает это философское суждение?» Он неоднократно пробовал «перевести суждения [философов] в конкретное» [21, p. 209]. Эта ветвь новой строгой философии была развита далее в 1940–1950-х годах Витгенштейном, Уиздомом и Райлом, который всегда верил, что их философия является каким-то особым методом. После 1955 г. Остин в значительной степени отступает от этого вида аналитической философии, развивая свою теорию речевых актов, которая является частью великой лингвистической теории. Однако Стросон сохранил ее в целом, продвигая лингвистическую онтологию в работе «Individuals» (1959), где он возродил метафизику, которую считали недопустимой для логического позитивизма. Стросон же различал «условную» (плохую) метафизику и «описательную» (хорошую) метафизику. Почти в то же самое время американец Куайн издал работу «Word and Object» (1960). Его подход отличался от подхода Стросона прежде всего подчеркиванием происхождения самых общих понятий и близостью явно к эмпирической психологии и физике.

А. Данто приписывает антиметафизическую установку всей философии XX в. Он утверждает, что даже сформированная «духом Вены» терминология философии Витгенштейна, говорившая о «больной метафизике» и ее терапии, как и прямые последователи Фрейда (Дж. Уиздом и М. Лазеровиц), не смогли излечить философию от метафизики. Следует отметить, что еще в Гейдельбергских лекциях 1970 г. Э. Тугентдхат посредством проверки прежних решений основных философских проблем аналитической философии сделал вывод о том, что она сохранила основную философскую проблематику и обсуждает ее гораздо глубже, чем философия традиционная, поскольку освободилась от сдерживающих развитие догматических представлений.

³ Подобный термин вводил Г. фон Райт в работе [20, p. 181 n.].

Все же главное неудобство состояло в том, что этот тип аналитической философии легко превратился в обсуждение общих тем. Другое неудобство — недостаток специфического предмета, трудности оснований обеспечения аналитизма. Именно поэтому аналитический подход к философии склонялся к принятию другой формы — построению последовательных систем утверждений, каждая из которых имела причину (или основание)⁴. Этим, как полагали, и достигалась строгость философии. На практике, однако, эти устремления приняли совершенно различные формы: философская логика, философская грамматика, формальная онтология, аналитическая эпистемология и т. д. Исторически эта форма аналитизма имела три главных вида: 1. Фреге вводил этот термин для исследования строгого исчисления математики, которая, как он полагал, идентична с логикой. 2. Рассел развивал этот термин путем исследования окончательной структуры человеческого опыта, например, в его «Our Knowledge of the External World». 3. В 1950-е годы в Оксфорде аналитизм принял форму исследования структуры общих представлений людей. Это движение достигло своей вершины с публикациями «Individuals» Стросона и «Thought and Action» Хэмпшира. Вскоре с практикой аналитической герменевтики было покончено. К середине 1960-х годов триумф оснований обеспечения аналитизма становится необратимым. В 1963 г. Даммит в своей статье об (анти)реализме и Дэвидсон в «Actions, Reasons, and Causes» представили решающие аргументы для аналитической контрреволюции. Ответ аналитического герменевта Райла, Стросона (который до середины 1950-х не был аналитическим герменевтом) и Пирса проявился в отказе от исторических исследований. Эта тенденция была преодолена полной историзацией аналитической философии Даммитом в его исследовании Фреге⁵.

Однако виртуозность аналитической герменевтики продуцировала «интеллектуальные игры с шахматоподобным безразличием», которые «вызывают студенческий интерес». Так, попытки аналитической философии построить строго последовательные системы утверждений легко превращаются в интеллектуальную игру, создающую у игроков иллюзию, что это фактически не игра, а, скорее, нечто крайне «серьезное». Результатами такой игры стали образцы того, что Рамсей назвал «аналитической схоластикой». Например: когда теория мышления была заменена теорией референции, все верили, что начался новый век в философии. Итак, сегодня «текущие теории референции столь же обширны и различны, как размышления о Троице в византийской филологии» [23, p. 634].

Разумеется, в истории этого движения нельзя сбрасывать со счетов влияние социально-политического контекста, или, как пишут аналитики, «серии общественных и политических факторов». Г. фон Райт сорок лет назад писал, что аналитическая философия по большей части связана с «англо-американским культурным влиянием» [20, p. 634]. Данто отметил, что «ее дух, тон и технологии доминировали не только в Америке и Содружестве, но всюду в западной цивилизации, а отчасти и во Франции» [23, p. 615]. Милков считает, что аналитическая философия была развита в борьбе за интеллектуальную власть между немецкой и британской философией в первые десятилетия XX столетия. Ее рождение отмечено победой немецкой

⁴ Коэн так и писал: «Объединяющая сила в аналитической философии — ее обязательство аргументированного исследования причин» [22, p. 57].

⁵ В работе «Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Philosophy» Хакер ложно принял этот поворот за конец аналитической философии.

философии над старой британской традицией. В литературе это было отмечено как драматическое воскрешение власти Германии в XIX столетии в британском неогегельянстве. Наоборот, и в Великобритании, и в Америке, Первая мировая война ускорила падение идеализма, отвергла его как немецкую философию. Неокантианец Наторп, который долгое время работал параллельно с исследованиями Мура и Рассела, вернулся к традиции немецкой метафизики. Гуссерль также, будучи вполне аналитическим философом до 1913 г., стал сближаться со «спекулятивной» философией. После 1916 г. он переехал во Фрайбург, где принялся решительно основывать собственную школу, самым знаменитым продуктом которой было «Бытие и время» (1927) Хайдеггера. Это позволило аналитической философии возвыситься, она стала повсеместно использоваться в философских исследованиях.

В этом контексте легко понять англосаксонское опасение относительно немецкого интеллектуального вторжения. Оно было особенно сильно между двумя мировыми войнами. Даже в 1970-х годах выражалось беспокойство по поводу того, что современная британская философия «движется от немецкого идеализма к немецкому идеализму», когда «интеллектуальная молодежь возобновила интерес к точно тем же отвергнутым философам: Гегелю, молодому Марксу и совершенно недавним немецким идеалистам» [24, р. 29]. И хотя это беспокойство было необоснованным, становилось все более и более очевидным, что немецкий идеализм нашел шанс войти в новое философское движение изнутри. Первый порыв случился уже с Витгенштейном, который сначала ввел в Великобритании проблему «его Вены» — Вены Отто Вейнингера — как примирить этику с логикой. А затем в «Трактате» он значительно «фрегенианизировал» логическую философию Рассела. Не случайно такой типично британский философ, как С. Стеббинг, расценила «Трактат» как существенно небританский⁶. Реальная «тевтонизация» английской аналитической философии пришла, однако, только с «чистокровным кантианством» (собственные слова Стросона) в «Individuals» Стросона (1959) и особенно с радикальным фрегенианизмом Даммита.

В аналитической философии уже к 1980-м годам определилась обстановка, когда на замену лидирующей программе предлагается целый набор альтернатив [26]. Появились работы, в которых даются оценки тенденций, программ неонаналитической и постаналитической мысли. Крипке и Фодор радикально преобразовывают философию языка. Постаналитики (например, Патнэм, Рорти, Кейвл, Роулс, Нозик, Макинтайр, Кюнг) идут за аналитический горизонт. Рефлексия по поводу собственной истории является новой чертой развития аналитической философии. Все это подтверждает тот факт, что ни одна живая философская доктрина не остается неизменной, ее содержание несводимо к изначальным канонам периода становления. Метафизическая проблематика вошла в аналитическую философию и приобрела не свойственную ей широту проблемного поля. Интерес к «неаналитическому континентально-европейскому дискурсу» был квалифицирован Наглем и Дэвидсоном как *постаналитическая тенденция* [27, S. 9–10]. Происходит смена ориентации с анализа концептуальных и языковых средств на решение философских проблем *практически-прикладного характера* — вопросов права, человека, нравственности,

⁶ Сьюзан Стеббинг (1885–1943) принадлежала в 1930-х годах к генерации аналитических философов и была основателем в 1933 г. журнала «Analysis» [25].

политики, общественной жизни, культуры. Дж. Коэн считает, что злободневность и скрытая сила аналитической философии заключены не в доктринальном и методологическом единстве, а в установленном *типе нормативных проблем* обоснования и рассуждения, когда предметом становится *аргументация рационального рассуждения* [22 p. 10–11]. Споры об идентичности и различиях континентальной и аналитической философии продолжаются, что способствует развитию философской культуры на фоне краха постмодерна и появления симптомов постпостмодерна и трансверсальной философии.

Литература

1. Bertrand Russell and the Origins of Analytical Philosophy / eds R. Monk, A. Palmer. Bristol: Thoemmes Press, 1996. 400 p.
2. The Rise of Analytic Philosophy / ed. by H. J. Glock. Oxford: Blackwell, 1997. 95 p.
3. Frege: Importance and Legacy / ed. by M. Schirn. Berlin: Walter de Gruyter, 1996. 470 p.
4. Philosophy of Science, Logic and Mathematics in the Twentieth Century. (Routledge History of Philosophy. Vol. IX.) / ed. by S. G. Shanker. Routledge, 1996. 504 p.
5. Ludwig Boltzmann: His Later Life and Philosophy, 1900–1906 / ed. by J. Blackmore. Kluwer; Dordrecht, 1995.
6. *Beaney M.* What is analytic philosophy? Recent work on the history of analytic philosophy // BIHP. 1998. 6 (3). P. 463–472.
7. *Martinich A. P.* Introduction // Blackwell Companions to Philosophy: A Companion to Analytic Philosophy/ ed. by A. P. Martinich, D. Sosa. Blackwell Publishers, 2001. P. 2–10.
8. *Milkov N.* What is analytic philosophy? URL: <http://kw.uni-paderborn.de/fileadmin/kw/institute/Philosophie/Personal/Milkov/analytic2.pdf>
9. *Hacker P.* The Rise of Twentieth Century Analytic Philosophy // Ratio. n.s. 9. P. 243–268.
10. *Frank M.* Welchen Nutzen bringt uns die analytische Philosophie? // Merkur. 1992. Vol. 46(1). S. 415–425.
11. *Mulligan K.* Exactness, Description and variation: How Austrian Analytic Philosophy Was Done // Von Bolzano zu Wittgenstein — Zur Tradition der österreichische Philosophie / Hrsg. J. C. Nyíri. Wien: Hölder–Pichler–Temsky, 1986. P. 86–97.
12. *Brentano F.* Was ist an Reid zu loben? // Grazer philosophische Studien. 1975. N 1. P. 1–18.
13. *Price H.* Clarity is Not Enough // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945. Suppl. vol., N 19. P. 1–31.
14. *Engfer H.-J.* Philosophie als Analysis. Stuttgart; Bad-Cannstatt: Frommann–Holzboog, 1982. 293 S.
15. *Mulligan K.* Post-Continental Philosophy: Nosological Notes // Stanford French Review. 1993. Vol. XVII. P. 133–150.
16. Exact Philosophy / ed. by M. Bunge. Dordrecht: Reidel, 1973. 214 p.
17. *Clarke D.* Philosophy's Second Revolution: Early and Recent Analytic Philosophy. Chicago: Open Court, 1997. 232 p.
18. *Russell B.* Mysticism and Logic. 3d ed. London: Allen & Unwin, 1963.
19. *Rosen S.* The Identity of, and the Difference between, Analytical and Continental // International Journal of Philosophical Studies. 2001. Vol. 9 (3). P. 341–348.
20. *Wright G. H. von.* Explanation and Understanding. London: Routledge & Kegan Paul, 1971. 236 p.
21. *Moore G. E.* The Conception of Reality // Philosophical Studies. London: Routledge, 1917. P. 197–219.
22. *Cohen J. L.* The Dialogue of Reason: An Analysis of Analytical Philosophy. Oxford: Clarendon, 1986. 260 p.
23. *Danto A.* Analytic Philosophy // Social Research. 1980. Vol. 57. P. 612–634.
24. *Magee B.* Modern British Philosophy. 2d. ed. Oxford: Oxford University Press, 1986. 287 p.
25. *Milkov N.* Susan Stebbing's Criticism of Wittgenstein's Tractatus // Vienna Circle Institute Yearbook. 2003. Vol. 10. P. 351–364.
26. Post-analytical philosophy / ed. J. Rajchman, C. West. NY: Columbia University Press, 1985. 275 p.
27. Wo steht die Analytische Philosophie Heute? / Hrsg. von L. Nagl, R. Heinrich. Wien; München; Oldenburg, 1986.

Статья поступила в редакцию 21 апреля 2014 г.